

О ПОЛЬЗЕ И ВРЕДЕ ФИЛОСОФИИ**Л.А. Богодельникова^{1, 2}**¹ *Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Российская Федерация*² *Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация***Информация о статье**Дата поступления
3 марта 2022 г.Дата принятия к печати
8 апреля 2022 г.Дата онлайн-размещения
27 апреля 2022 г.**Ключевые слова**

Философия; ценность философии; самопознание; свободное мышление; амбивалентность философии; индустрия сознания; отчуждение

Аннотация

В настоящее время философия является неотъемлемой частью базового блока общеобразовательных дисциплин любой образовательной программы любого университета. И вместе с тем поиск ответа на вопрос о том, зачем нужна философия сегодня, вопрос о ее полезности как науки не перестает быть актуальным. Цель исследования — раскрыть специфику философии как формы познания, показать ограниченность узкоутилитарной ориентации образования, исключая возможность развития самопознания и самостоятельного свободного мышления у отдельно взятого индивида. В ходе анализа различных концептуальных подходов, сформировавшихся в истории философии, последовательно обосновываются следующие положения: изучение философии способствует развитию критического мышления, позволяющего научить смотреть на себя и происходящее со стороны; философия для думающего человека становится способом духовной трансформации и самопознания, позволяющих «не пройти мимо себя» и «не потерять себя»; философия является действенным средством противостояния индустрии сознания, воспитывающей однотипное стандартизированное мышление, насаждающей ложные потребности; свободное мышление, без которого невозможно изучение философии, помогает противостоять различным идеологическим манипуляциям и установлению систем тотального контроля над индивидом и повседневностью. Результаты размышления о месте и задачах философии могут быть использованы для преподавания гуманитарных дисциплин в университете.

Original article

THE BENEFIT AND HARM OF PHILOSOPHY**Lyubov A. Bogodelnikova^{1, 2}**¹ *Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, the Russian Federation*² *Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation***Article info**Received
March 3, 2022Accepted
April 8, 2022Available online
April 27, 2022**Keywords**

Philosophy; value of philosophy; self-cognition; free thought / judgment; ambivalence of philosophy; consciousness industry; alienation

Abstract

These days, philosophy is seen as an integral part of basic general subjects in any university's curriculum. Yet, a response to the questions of what the purpose of philosophy is today and what its benefit is as a science, never stops being relevant. The purpose of our study is to explore the specific nature of philosophy as a form of cognition, to show narrowness of the restrictive utilitarian attitude of education that does not give individuals a chance to develop self-cognition and independent free thought. Analysis of various conceptual approaches formed over the history of philosophy lets us consistently justify some important statements. First, studying of philosophy promotes the development of critical thinking that teaches to look at oneself and the circumstances from the outside. Second, philosophy is becoming a method of spiritual transformation and self-cognition for a thinking person that helps 'not to ignore oneself' and 'not to lose oneself'. Third, philosophy is an effective remedy against the consciousness industry

that brings up uniform standardized thinking and promotes false needs. Finally, free thought, without which the study of philosophy is impossible, helps resist various ideological manipulations and systems of total control over an individual and a daily life. The results of our speculations on the place and objectives of philosophy can be used for teaching humanitarian subjects at a university.

Введение

Вопрос о вреде и пользе философии — это фактически вопрос о том, кому и зачем она нужна в современных условиях и нужна ли. Что такого «полезного» она создает? Сегодня можно наблюдать, как в сознании обычного («нормального») человека сформировались два абсолютно противоположных представления о философии. С одной стороны, философия может представляться предметом необычайно сложным (читай: скучным), которым человек без специальной профессиональной подготовки заниматься не может. С другой стороны, часто можно встретить мнение, полностью противоположное: заниматься философией очень легко, так как любое рассуждение, всякая «болтовня» — это уже само по себе философия, поэтому, чтобы философствовать, ничему особенному учиться и не надо. Где же в таком случае следует искать истину?

Каждому решившему получить адекватное представление о философии предстоит пройти не очень простой, иногда тернистый, но всегда увлекательный путь ее изучения. Только возникает вопрос: зачем обычному человеку в принципе этот путь проходить? Где, к примеру, он может столкнуться с философией? Только ли в образовательных учреждениях — университетах, школах (если повезет, конечно)? Гипотетически представим себе, что больше нет философии ни в одной из образовательных программ и стандартов. Что произойдет? Сколько людей почувствуют серьезную нехватку философии в их жизни? Можно ли утверждать, что многие заметят ее отсутствие? Является ли в принципе сегодня философия достоянием большинства, властителем дум, тем, что формирует картину мира современного человека? Не превратилась ли она давным-давно в элитарную, обслуживающую потребности очень узкого круга профессионалов и к ним примкнувших в силу своей пытливости лиц, форму духовного освоения мира, назначение и цели которой бесконечно оспариваются и обсуждаются, т.е. сами по себе представляют определенную проблему? Не что подобное происходит с современной теоретической физикой, содержание которой большинству непонятно, постнеклассическая

научная картина мира обывателю неизвестна, он так и остался в XVII в. вместе с сэром Исааком Ньютоном и законами механики. Приходится констатировать, что и прежде философия не была достоянием широких масс, всегда предлагая иной образ мыслей и иной образ жизни, зачастую не разделяемый и не поддерживаемый большинством.

Принимая во внимание все обозначенные выше трудности, попробуем дать ответы на поставленные вопросы.

Зачем человек познает, или Философия как форма духовного освоения реальности

Очевидно, что человек, начиная познавать окружающий мир, делает это исходя из практических задач, а также из простого любопытства. Способность изумляться и удивляться наряду со способностью смеяться и шутить — это одна из коренных способностей, отличающих человека от всех живых существ. Любопытство, удивление, изумление — знаки того, что он открыт миру, способен находить в нем новое, что он понимает масштаб неизведанного. Способность удивляться, в свою очередь, неразрывно связана с еще одной важной способностью — воображением. Благодаря воображению человек стал собственно человеком: именно оно помогло ему подняться над реальностью и создавать то, чего еще не было и без человека никогда не могло возникнуть. Литература, музыка, живопись — да, впрочем, все формы искусства, а также все науки, религия и философия — появились благодаря способности воображать. Именно воображение становится побудительной силой, позволяющей человеку непрерывно в различных формах исследовать окружающую его реальность, познавать мир и самого себя.

Изначально появившись на арене истории как часть живого мира, человек очень скоро переходит в «сверхприродное», противопоставленное природе, хоть и тесно связанное с ней состояние. Он, в принципе, является единственным живым существом, противопоставляющим себя миру, и в акте познания прежде всего. Для человека единственный способ быть — это осуществлять непрерывное познание мира и самого себя, т.е. фактически познание становится «способом приспособле-

ния человека к миру» [1, с. 101]. В результате этого мы имеем возможность наблюдать бесконечный процесс со-развития мира и человека; и в этом уже проявляется не сходство, а отличие человеческого познания от поисковой деятельности животных. Человек в познании выходит за пределы наличного бытия, он довоссоздает и достраивает себя и мир различными способами. Здесь уместно вспомнить представителей философской антропологии начала XX в. М. Шелера, М. Бубера и А. Гелена, которые в своих подходах к рассмотрению человека отталкивались от идеи его биологической беспомощности, полагая, что он отнюдь не воплотил в себе совершенство природного смысла и «плохо оснащен инстинктами». Человек есть «недостаточное» существо, и только деятельное изменение окружающего мира в мир, пригодный для жизни, делает возможным его существование. Отсюда возникает идея компенсации этой «недостаточности» через создание культуры, которая при таком понимании, с одной стороны, относится к физическим условиям существования человека, с другой — становится процессом порождения человека в историческом развитии.

Философию прежде всего следует понимать как один из основных способов познания, как форму познавательного отношения человека к миру, как одну из возможных форм его духовного освоения. На начальных этапах развития философия обращена скорее к миру, чем к человеку; прежде чем начать отвечать на «мучающие» человека вопросы, определять смысложизненные ориентиры, она направляет свой познавательный интерес на окружающий мир, создавая фундамент для новых форм его рационального освоения. Таким образом, возникает целостная картина мира, обязательно включающая в себя человека, в чем и выражается сущностная способность философии: «смотреть на мир глазами человека» [2, с. 45], идти к миру от человека, брать человека за точку отсчета, схватывать мир таким, каким он дан человеку как место, где он уже есть и еще должен состояться. «Философия задает пространство разумного человеческого существования тем, что она отвечает на вопрос, каким бы был мир, если бы он был специально создан для этой цели. Она создает (конструирует) идеальный образ мира, скроенного по меркам человеческого разума. Тем самым она задает параметры разумного, осознанного человеческого существования, являющегося одновременно ответственным существованием, то есть существованием, за которое человек отдает себе отчет и готов держать ответ» [3, с. 13].

В отличие от наук, по преимуществу исследующих наличествующую реальность, философия всегда существует в поле проблем, как бы выходящих «за» пределы непосредственно данного. «Философ всегда осуществляет собственную философскую деятельность в условиях принципиального дефицита знаний. Он должен ставить проблемы и давать ответы на них, осознавая всю неполноту и относительность таких ответов. В этом заложены огромные возможности философии как особой творческой деятельности, не знающей границ своего исследования, в большой степени зависящей от философа как личности, его интуиции и общей культуры» [4, с. 85]. Именно это свойство философии было верно подмечено Б. Расселом, который сказал: «Наука — это то, что мы знаем, философия — это то, чего мы еще не знаем» [там же, с. 86]. Данное утверждение подводит нас к выводу, что философия нужна, чтобы поддерживать размышление, дискуссию о предметах, которые еще не попали в поле зрения науки, доводить эти размышления до уровня гипотез и передавать науке. Если следовать далее логике мысли, философия нужна для того, чтобы стимулировать человека к познанию нового и неизведанного, чтобы человеческое познание непрерывно развивалось. Не стоит, разумеется, приписывать все успехи в развитии наук только одной философии, но в них есть ее несомненный и существенный вклад. Ценность и полезность философии только этим ее свойством отнюдь не исчерпываются, и было бы неверно ограничивать поле ее деятельности только взаимодействием с наукой. Естественно, Б. Расселу, известному позитивисту, хотелось бы свести функции философии и ее познавательную активность только к взаимодействию с наукой, превратив ее в своеобразную «служанку» науки. Но тогда понимание философии было бы искаженным, неполным: она, в отличие от других форм познания мира, конечно, в своих возможностях рационального освоения действительности является максимально близкой науке, но ограничивать ее этим и только этим — значит не увидеть всей сути философии. Ведь, в отличие от науки, препарирующей мир, чтобы познать его, философия пытается «схватить» реальность целиком, как бы воспаряя над ней, чтобы тем самым дать человеку целостный образ мира.

И философия справляется с этой задачей с помощью категории «смысл». Фактически это означает, что во всех формах собственного существования она опирается на ценностное основание. С одной стороны, всякая челове-

ческая деятельность, в том числе и познавательная, имеет для человека смысл, преследует некую цель, представляет определенную ценность (иначе в принципе невозможно осуществлять никакую деятельность), с другой стороны, познавая, человек открывает смыслы, создает их и живет в мире смыслов. Об этом, например, пишет Э. Кассирер: «Мир человеческий — символический мир. Человек плетет сети смыслов, которые опосредуют его восприятие вещей» (цит. по: [5]).

Человеку оказывается недостаточно знания о сущности вещей и процессов, ему необходимо знание, наполняющее его жизнь смыслом. Человек — это существо, пытающееся выйти за пределы простой пользы и практической применимости отдельных объектов и идей. Оказывается, для всех нас важно не только быть сытым, одетым и обутым, иметь крышу над головой, достаточное количество денег в кармане, достойные условия существования. Важным для нас является также нечто не имеющее прямой практической пользы: нам нужна помощь, чтобы отвлечься от грустных мыслей, чтобы дать пищу для размышления, наполнить нашу жизнь смыслом, вывести нас за пределы выровненного по линейке распорядка дня, следуя которому ты чувствуешь себя песчинкой в океане, превращаешься в винтик, от которого ничего не зависит. Люди стремятся сделать свою жизнь осмысленной, и тогда «простейшие факты жизни оказываются насыщены философией, так как для людей естественно философствовать, и они делают это гораздо чаще, чем они это себе представляют, именно потому, что делают это естественно» [6, с. 12]. Можно ли утверждать, что в этом и проявляется «полезность» философии?

Знание полезное, знание бесполезное

Б. Рассел в работе «Бесполезное знание» рассуждает об ущербности узкоутилитарного подхода к образованию, размышляет о том, что преподаваемые в школах и университетах дисциплины призваны служить каким-либо очевидным практическим целям для науки, управления и образования. Складывается всеобщая установка: смотреть на знание не как на самооценку или средство создания широкого и гуманного мировоззрения в целом, а просто как на составную часть технического мастерства. Из этой установки, полагает философ, рождается соблазн: разделить все науки, дисциплины, все формы знания, которые может освоить и осваивает человек в течение всей жизни, на те, которые приносят реальную практическую пользу, и те, которые таковой не имеют.

Он отмечает, что «полезное» знание несет в себе не только позитивные моменты, но и то, что разрушительно действует на общество и человека в самых разных аспектах¹: «Без этого («полезного» знания) у нас не было бы ни автомобилей, ни железных дорог, ни самолетов, но следует добавить, что у нас не было бы современной рекламы или современной пропаганды... Современное знание способствовало серьезному улучшению здоровья людей и в то же время созданию способов истребления жителей больших городов с помощью отравляющего газа и бомб» [7, с. 99]. Без «полезного» знания попросту был бы невозможен и сам современный мир в его текущем состоянии. Но так как человечество всегда испытывает определенный дефицит знания, то образование становится тем источником, который может обеспечить его прирост и развитие. При этом узкоутилитарная ориентация образования изначально неполноценна, так как «результат любого образования неизбежно становится вкладом в культуру» [там же, с. 101]. Рассел полагал (и в этом с ним сложно спорить), что некоторые из худших черт современного мира могли бы быть устранены за счет большей поддержки таких знаний и менее жесткой ориентации на простую профессиональную компетентность. Именно в разрешении задачи преодоления узкоутилитарного подхода во многом и могла бы помочь философия, самая «неполезная» из наук, на взгляд человека непосвященного.

В определенном смысле сам спор, в котором противопоставляется полезное и бесполезное знание, оказывается недопустимым и губительным для философии, так как в таком споре личная польза возводится в абсолют и противоречит высшей истине, отстаиваемой философией. Такой позиции придерживался, например, И. Кант в своей работе «О споре факультетов». Философия из «младшего факультета», подчиненной науки², должна не только стать самостоятельной, но и составить основу университетского образования, «направляя его и открывая ему новые горизонты» [8, с. 68], так как именно философия ответственна за свободное мыш-

¹ Уместным представляется поставить вопрос о том, всегда ли «полезность» определенного знания означает его направленность на благо человечества.

² «Можно в крайнем случае согласиться с гордым притязанием богословского факультета на то, что философский факультет его служанка (при этом все же остается открытым вопрос: несет ли эта служанка перед милостивой госпожой факел или шлейф позади нее), лишь бы не закрыли философский факультет и не зажали ему рот» [8, с. 70].

ление, способное привести человека и науки к истине. Для Канта вопрос о месте и роли философии — это не только и не столько вопрос о структуре университета, университетского образования, это прежде всего вопрос о «связях и расхождении философско-теоретического уровня знаний и эмпирически-практического уровня» [9, с. 11]. Разные науки (факультеты) соперничают между собой за возможность оказывать влияние на человека: медицина заботится о его здоровье, юристы гарантируют соблюдение и защиту его законных прав и свобод, а философия предлагает самое трудное: предлагает человеку то, что он сам может и должен делать: «...жить честно, ни с кем не поступать несправедливо, быть умеренным в наслаждении, терпеливым в болезни» [8, с. 74, 76]. Иными словами, философия предлагает человеку научиться обуздывать свои склонности и доверять руководство ими разуму, что оказывается самым сложным в практической реализации; философия, оберегая интересы разума, не обещает человеку чудес, а требует от него постоянной внутренней работы.

При надлежащем использовании философия оказывается способна воспитать в человеке то, что называется созерцательным складом ума, а вместе с этим помочь развиваться в человеке таким качествам, как скромность и смирение, которые придут из глубинного понимания ограниченности не только земного существования, но и познавательных возможностей человека. «В мире существует слишком много готовности не только к действиям без надлежащего предварительного обдумывания, но также к случайным действиям, на которые мудрый человек не пошел бы, — писал Рассел. — Привычка находить удовольствие в мысли более, чем в действии, — это гарантия против неблагоразумия и чрезмерной любви к власти, средство сохранять спокойствие в несчастье и спокойствие духа среди волнений. Узкоутилитарная концепция образования игнорирует необходимость воспитания в человеке, наряду с развитием его способностей, каких-либо устремлений. В невоспитанной человеческой натуре есть очень значительный элемент жестокости, который проявляет себя во многих мелких и крупных вещах» [6, с. 107].

Для освоения философии простой «зубрежки» оказывается недостаточно, необходимо развить в человеке определенный тип мышления, который требует определенных усилий. В повседневности мы часто слышим: относись к этому по-философски, т.е. брось переживать, волноваться из-за чего-то

не очень важного; на языке философии это означает еще и требование остановиться или хотя бы замедлиться, подумать, сосредоточиться, посмотреть со стороны на ситуацию или проблему, а самое главное — суметь посмотреть со стороны на самого себя, заглянуть внутрь собственного «я».

Философское познание как самопознание. Разрушительная сила философии

Амбивалентность философии заключается в ее способности быть обращенной к миру и человеку одновременно, точнее, она обращена к миру только потому, что обращена к человеку. Фактически философский подход к познанию мира становится способом самопознания человека. Сущность человека разворачивается в процессе духовного самопознания, которое приобретает черты высшего вида духовного творчества и созидания, где человек творит не нечто чуждое себе или нечто вспомогательное для своего существования, а свою собственную сущность. Иными словами, происходит духовная трансформация человека, которая, нужно заметить, оказывается крайне болезненной. Изучение философии, овладение ею — это, прежде всего, усилие по изменению самого себя, и не каждый из нас оказывается готов к такому усилию и способен на него. Отсюда возникает парадокс: философия для всех и ни для кого, она каждому остро необходима для осмысленного проживания, но не каждый в ней нуждается, так как не всегда к ней готов.

В развитие этой мысли можно вспомнить высказывание, приписываемое Сократу: философия подобна оводу, который вечно летает над людьми, жалит их, не дает им спать, т.е. не дает им жить бездумно и бессмысленно. «Жалить» означает побуждать человека к самостоятельному мышлению и самостоятельному проживанию жизни, а значит — помочь человеку преодолеть ограниченность индивидуального жизненного опыта, разрушить клише, стереотипы поведения и мышления, научить его самостоятельно и критически мыслить, непрерывно ставя перед собой вопросы: зачем я живу? доволен ли я своей жизнью, продолжая делать то, что необходимо, каждый день? счастлив ли я? что такое справедливость? свободен ли человек? равны ли люди друг другу? что такое истина? зачем быть успешным? цели, которые я стремлюсь достичь в этой жизни, мои ли это цели? кто я? почему я бесконечно желаю большего? есть ли Бог? можно ли избежать смерти? если смерть неизбежна, что будет после нее? Это лишь малая часть философских вопросов,

которые могут волновать отдельного человека. И главная их особенность — все они затрагивают ценностные основания бытия человека. Отсюда можно вывести как минимум два следствия.

Во-первых, философствовать и быть философом может каждый. И каждый был им, хотя бы когда был маленьким и задавал бесконечные «Почему?» и «Зачем?». Вырастая, многие утрачивают способность удивляться и открываться новому, полагая, что уж теперь-то они точно знают все или почти все, что необходимо для жизни. Опять вспоминается Сократ со своим знаменитым афоризмом: «Я знаю, что я ничего не знаю, а многие не знают даже этого». Состояние незнания и сомнения становится точкой предельной открытости всему еще неизведанному, отправной точкой для начала философии и философствования. По Сократу, истина должна сама рождаться в голове человека; человек должен сам из себя произвести необходимое знание; лишь тогда оно будет делом его истинной убежденности, частью его самосознания. Состояние свободы (внутренней — как определенная смелость и внешней — как условия, создаваемые обществом), готовность вопрошать о, казалось бы, уже известном и проверенном, готовность сомневаться — вот стартовые условия для начала философии.

Во-вторых, справедливо может возникнуть вопрос: а философствовать — это во благо или во вред? Ведь, начав сомневаться в устоявшихся, стереотипных моментах своего бытия, ты должен разрушить основания, на которые опирался прежде, подобно строительству нового дома, для которого нужно снести старый и зачистить территорию. Именно этот момент разрушения, отказа от прежнего комфортного существования может быть деструктивен и негативен. Конечно, после разрушения на «зачищенной» земле должно вырасти «здание» нового мировоззрения и мироотношения, но для их возникновения необходима определенная смелость и терпение. Из истории известно (здесь уместно, например, вспомнить обстоятельства, приведшие к смерти Сократа), что государство очень часто осуждало людей, которые учили других задумываться и самостоятельно мыслить, а истина, достигаемая мудрецами, отнюдь не всегда устраивала общество. Отсюда, как ни странно, следует вывод, что философия — это еще и опасная наука, наука вольнодумцев и бунтарей.

«Правильно мыслить и достойно жить учит не только философия: например, наря-

ду с философской логикой есть математическая логика, наряду с философской этикой существуют разные формы практического морализирования. Философия — и это, пожалуй, делает только она — соединяет одно с другим. Она учит достойной жизни в пределах и средствами правильной мысли» [3, с. 12]. Философия пытается соединить «моральный пафос» и «пафос истины», создавая такой образ мира, который можно считать утопическим. И «в этом смысле всякая философия есть утопия» [там же, с. 13], так как она всегда стремится сконструировать тот образ «должного» мира, который соответствовал бы требованиям разумного человеческого существования и который позволил бы реализовать идеалы блага, добродетели, справедливости, равенства и свободы. Мир, создаваемый философией, — мир идеальный, конечно, это мир утопический, но не иллюзорный: человек мог бы в нем жить, если бы разрыв между должным и сущим сократился, если бы совпали «внутреннее стремление и внешняя действительность»³.

Человек же, который живет не задумываясь, не становясь на путь самопознания и развития критического мышления, не принимая на себя ответственность за собственную жизнь, предпочитая довольствоваться стереотипами, выработанными в обществе, живет в мире иллюзий и бежит от реальности. Платон говорил: философствовать — значит учиться умирать. Это подразумевает, что человек должен не бояться задать себе самые «последние», предельные вопросы о самом себе и мире и попытаться найти на них ответ, а для этого, очевидно, нужна смелость, свобода и та открытость неизведанному, о которой мы говорили выше. Но если, как, например, в современном обществе, сам разговор о смерти табуирован, возможно ли тогда подготовиться к ней, если все проживают жизнь как бессмертные, избегают размышлений об этих «проклятых» вопросах и попросту стараются не задумываться? Только предельно ясное, критическое понимание причин и условий нашего реального существования может стать отправной точкой духовного роста и самопознания, творчества самого себя. У Рассела есть мысль о том, что «жизнь, во все времена полная боли, в наше

³ Гегель говорил, что философия вырастает из противоречия, разрыва между внутренним стремлением и внешней действительностью. Она ищет прибежище в области мысли. В противовес действительному миру, который не удовлетворяет человека, философия мысленно конструирует некое идеальное царство, построенное на других эпистемологических и ценностных основаниях, которые дают человеку новые надежды и открывают перед ним новые перспективы [3, с. 13].

время тяжела более, чем в предыдущие два века. Попытка избежать боли приводит простого человека к обыденности, самообману, к измышлению многочисленных массовых мифов. Но это временное облегчение в конечном счете только увеличивает источники страданий» [6, с. 109].

Задача думающего индивида видится в том, чтобы всеми силами противостоять мифологизации сознания и не поддаваться самообману, а глубокое погружение в философию могло бы помочь существенно укрепить его позицию в этой нелегкой борьбе.

Философия и индустрия сознания. О вреде и опасности философии. Иллюзия свободы

Историю западной цивилизации часто пытаются представить как своеобразную историю свободы, как процесс освобождения от различных форм угнетения отдельно взятого индивида, определенных социальных групп и общества в целом. Являясь одной из основополагающих ценностей западной цивилизации, из которой вырастает современная идеология прав человека, свобода вместе с тем оказалась одной из самых больших иллюзий западного мира. Наблюдая современность, можно утверждать, что история человечества — это не история свободы, а история принуждения; человек и общество в историческом развитии не обрели большую степень свободы, принуждение лишь изменяло свои формы, добравшись до предельной — тоталитаризма, который и стал ведущей идеологией современности⁴.

В сознании обывателя тоталитаризм ассоциируется с идеологией крайне деструктивных политических режимов, существовавших в человеческой истории, и никак не ассоциируется с идеями «свободной рыночной экономики», «свободы слова», «демократией», «демократическими выборами»⁵, «правами человека» и т.д. Но оказывается, что «самый страшный враг, стратегический противник — фашизм. И не только исторический фашизм Гитлера или Муссолини, который сумел столь удачно мобилизовать и использовать желание масс, но также и фашизм, который заставляет нас любить власть, желать именно то, что господствует над нами и эксплуатирует нас» [11, с. 6].

Принуждение всегда подразумевает власть, власть движима желанием неограни-

ченного господства. Иллюзия освобождения питалась этим человеческим желанием господствовать, повелевать, управлять. Человек хотел стать хозяином самому себе, освободившись от невыносимых условий и принудительного характера труда; хотел повелевать природой (вспомним знаменитое «Знание — сила») с помощью науки как инструмента увеличения господства человека над природой и антропоцентрического характера мышления, сквозной нитью прошившего западную цивилизацию от Средневековья до наших дней; хотел управлять обществом, выстроив его на «разумных» началах, опираясь на декларируемые Просвещением идеалы свободы, равенства и братства. «В результате процесса Просвещения человек действительно познал Природу, общество и свое место в них — но это место оказалось незавидным. В сущности, речь идет о месте производителя и потребителя в системе экономики и месте винтика в системе управления. Стать просвещенным означает «знать свое место» — и со всепонимающей улыбкой смириться с этим местом. Победа Просвещения привела человека к осознанию еще большей зависимости от внешних сил, чем та, которую он ощущал в «темную» эпоху религиозных суеверий» [12, с. 7]. И эта еще «большая, чем прежде, зависимость от внешних сил» связана с феноменом мифологизации сознания современного человека, единственно возможной доктриной управления всеми сферами человеческой жизни и тотального контроля над ними в угоду «обществу сверхпотребления», и победа этой доктрины означает крах всех идеалов Просвещения.

У мифа как способа объяснения мира есть среди прочих одна существенная черта: объяснять реально происходящие события нереальным образом, погружать человека в мир иллюзий. На заре человеческой истории миф был первым и единственным способом познания мира; у этой характеристики не было никакой отрицательной коннотации, так как человечество еще не обладало достаточным количеством знаний об объективно происходящих процессах окружающей действительности и о самом себе. Но сегодня погружение в иллюзию означает лишь одно — сознательное отвлечение человека от реально существующего с целью манипуляции, что необходимо, как уже отмечалось выше, для тотального контроля над ним.

В определенный момент истории окружающая человека действительность превратилась в иллюзорную реальность симулякров (Ж. Бодрийяр). Это произошло тогда, когда появилась индустрия сознания (Г. М. Энциесбергер),

⁴ Эту и подобные ей идеи высказывали многие мыслители в XX в.: Т. Адорно, М. Хоркхаймер, Г. Маркузе, Х. Ортега-и-Гассет, Г.М. Энциенбергер, Э. Фромм, М. Фуко, Ф. Гваттари, Ж. Делез, Ж. Бодрийяр и т.д.

⁵ «Свобода выбора господ не отменяет разделения на рабов и господ» [10, с. 18].

или культурная индустрия (М. Хоркхаймер, Т. Адорно), а индивид оказался в плену идеологии массового потребления не только товаров, но и идей и когда феномен «общественного мнения» перестал быть только одним из способов регуляции поведения людей в обществе, а стал системно воспроизводиться как основной продукт индустрии сознания.

Индустрия сознания возникает тогда, когда все виды человеческой активности (деятельности) рассматриваются не только как «полезные» в том аспекте, о котором писал Б. Рассел, но и как экономически целесообразные. При таком подходе результат любой — материальной или духовной — активности человека становится товаром и соответствующе оценивается. Значит, возможно и обратное: произвести его намеренно как товар, который должен быть потреблен, так как прежде уже была сформирована искусственная потребность в нем, внедренная в сознание обывателя с помощью рекламы.

Парфразируя Жана Бодрийера в духе У. Шекспира, можно сказать, что весь мир сегодня — супермаркет, а сам супермаркет — это квинтэссенция современности. «Вещи лежат на полках и симулируют реальность. В чем это проявляется? Покупаете вещь — покупаете обертку. Если убрать рекламу и обертку, можем ли мы о вещи судить как о вещи? Мы покупаем скорее «идею» вещи. Потребности возникают и возрастают по мере того, как мы движемся по коридорам супермаркетов. Покупаем свое собственное желание купить. Платим не за удовлетворение, а за желание. Покупаем иллюзию того, что вещь нам нужна. Так вещи исчезают в супермаркете. Смотря на вещи, мы видим только свое собственное желание. Которое иллюзорно. Вам не нужна вещь, а вы ее все равно купите. Это все «вы». В кавычках. Ваше отражение как отражение Нарцисса на воде. Вы как «ничто». И, однако, это больше, чем вы. Потому что сами вы отсутствуете. Иначе ваша рука не потянулась бы за товаром. Вас нет, есть вы как иллюзия. Не только вещи иллюзорны, но и вы в супермаркете» [5].

Благодаря культурной индустрии, вовлекшей в себя все формы человеческой деятельности, стало возможно, по мнению Т. Адорно, превращение искусства в товар, в средство просвещения, воспитания и развлечения населения [12, с. 8], а последнее, к сожалению, стало единственно возможной формой досуга современного человека.

Исторически трудный путь к свободе подразумевал, что освобождение от внешних принуждений и ограничений приведет к

появлению свободного времени, которое так необходимо для духовного развития человеческой личности. Еще в Античности возникла идея, что «для добродетельно-счастливого существования нужно освободиться от занятий, которые диктуются природной и социальной необходимостью (забота о теле, семье, материальном обеспечении, безопасности и т.п.) и которые индивид делает хотя и сам, но вынужденно, — занятий, в которых он фигурирует не как автономная личность, а как экземпляр серии, представитель рода. Нужен досуг, чтобы индивид мог принадлежать исключительно самому себе и свободно формировать свою деятельность» [13, с. 107]. Свободное время — это необходимый фактор, без которого не может осуществиться духовное саморазвитие человека.

Но современный тоталитаризм стал контролировать не только рабочее время человека, но и его свободное время, досуг, количество которого обычно рассматривают как один из ведущих критериев уровня жизни. В результате появилась так называемая цивилизация досуга, в которой индивид освободился для того, чтобы ничего не делать, чтобы развлекаться⁶. «Развлечения современного городского населения имеют склонность быть все более и более пассивными и коллективными и состоят из неактивного наблюдения за искусными действиями других. Несомненно, такие развлечения гораздо лучше, чем их отсутствие, но они не настолько хороши, как те, которые были бы у населения, обладающего, благодаря образованию, широким кругом интеллектуальных интересов, не связанных с работой» [7, с. 104]. Это пишет Б. Рассел в далеком 1941 году, но как актуально звучит эта мысль во времена, когда корпорации навязывают вкус, образы и идеи, управляя массовым сознанием, используя для этого всевозможные доступные каналы влияния: СМИ, рекламу и пр.⁷

⁶ У группы «Nirvana» в песне «Smells like teen spirit» (1991) есть такая строчка, которая поддерживает высказанную нами идею: «Here we are now, entertain us», что можно перевести как «Вот мы, развлекай нас».

⁷ Представляется необходимым упомянуть такое явление, как «языковые игры», в которых активное участие сегодня принимают не только различные виды массмедиа, но и политика. Хочешь поменять отношение отдельных индивидов или социальной группы к явлению — назови его иначе (см., например, фильм «Власть» («The vice», режиссер А. Мак-Кей, 2018); хочешь о чем-то умолчать — не помешай информации о событии в новостную ленту: не сказано — не существует, или, наоборот, создай инфоповод там, где в принципе ничего не было. Такие «игры» относятся к способам манипуляции массовым сознанием, описанным, к примеру, Ж. Бодрийером (см. «Войны в Заливе не было»).

Тем самым индустрия сознания установила «рамки «свободной», то есть безопасной, мысли, сужая ее до немногих утверждений» [6, с. 17]. Таким образом устанавливается идеология, которая в скрытых и хитроумных формах оказывает мощнейшее влияние на общество, стимулируя многообразные репрессивные потребности, подавляющие современного человека посредством деформации труда, который продолжает быть для него источником принуждения и отчуждения. «Потрачено восемь часов жизни для того, чтобы приобрести средства, дающие возможность проработать еще восемь часов» [там же, с. 10].

Потребность в контроле за свободным временем индивида необходима, чтобы направлять поведение человека в нужное русло, чтобы «координировать все его действия, встраивая их в систему» [10, с. 32]. Современный человек — потребитель и производитель не только как участник рынка услуг, товаров и рабочей силы. Он теперь и потребитель продукции, производимой культурной индустрией; в этом он тоже оказался лишен выбора. Навязанные ложные потребности — это не только материальное сверхпотребление современного человека, это еще и восприятие искусства только как источника бесконечного развлечения и отвлечения, и свободное время человека, которое он должен проводить по определенному, кем-то установленному шаблону, потребляя развлечения, способствующие бездумному расслаблению человека и никак не нацеленные на его духовный рост и саморазвитие. Освобождение ради ничегонеделания обернулось новой формой порабощения. Индивидуальное сознание, плененное насаждаемой идеологией «общественного мнения», оказалось слабо перед внешней манипулятивной силой, которой обладает товар, будь то реальный продукт или насаждаемая идея, образ. Посредством рекламы формируются репрессивные потребности, перерастающие в образ жизни человека и формирующие, как полагал Г. Маркузе, «модель одномерного мышления» [там же, с. 20], однотипного и примитивного, в котором все индивиды уравниваются.

Ги Дебор начинает свой знаменитый манифест «Общество спектакля» словами Л. Фейербаха: «Определенно, в нашу эпоху, когда образ предпочитают вещи, копию — оригиналу, представление — действительности, а видимость — бытию, лишь иллюзия обладает святостью. Истина же профанирована. Более того, святость воз-

растает в той мере, в какой уменьшается истина, а иллюзия при этом возрастает, да так, что высшая степень иллюзорности являет собой высшую степень святости» [14]. Профанация истины становится возможна, когда человек отказывается от самостоятельного мышления. Критический и самостоятельный ум — это последнее пристанище свободы; отказ от мысли сегодня острее, чем когда-либо, означает отказ от свободы. С этих позиций нет ничего опаснее философии. Свобода возможна только в возрождении индивидуальной мысли, полагал Г. Маркузе. Критический ум способен сопротивляться, так как это ум автономный. Когда-то автономным было искусство: оно рассматривалось как крайне бесполезное занятие, пока идеология тоталитаризма не увидела в нем потенциал порабощения. Сегодня видимая «бесполезность» философии позволяет ей стать тем своеобразным «подпольем», где может укрыться думающий человек; она стала «одной из редких возможностей автономного и творческого существования», как ответил М. Хайдеггер в интервью 1969 г. на вопрос о том, что представляет собой философия [3, с. 13]. Автономность при определенном понимании — синоним независимости, априори обладающей иммунитетом ко всему массово навязываемому. «Зло охочет до прочности. Оно всегда гонится за большими числами, крепким фундаментом, вымуштрованными армиями, сбалансированными отчетами» [15, с. 142]. Противостоять этому можно предельной оригинальностью и самостоятельностью мышления, тем, что нельзя подменить, скопировать, подделать, «нельзя разделить, как собственную кожу» ни с кем другим [там же].

Опасность философии реализуется еще и в ее возможности вопрошать; при этом она способна обращаться как к отдельному индивиду, так и к обществу в целом, выступая своеобразной «совестью» культуры. «Ибо и в последнем значении философия есть наука об отношении всякого знания и всякого применения разума к конечной цели человеческого разума, которой, как высшей, подчинены все другие цели и в которой они должны образовывать единство» [16, с. 332]. Таким образом, философия и философствование оказываются неизбежно связаны с высшими нравственными ценностями, вырабатываемыми человеком и обществом. Все достижения людей утрачивают смысл или становятся деструктивными, если цели деятельности не соотносятся с высшими нравственными целями и идеалами.

Заключение.**О беспомощности философии**

Будучи, без сомнения, чрезвычайно опасной для тоталитарной идеологии, философия, к сожалению, оказывается бессильной и беспомощной. Даже у корифеев отечественной мысли в ее адрес звучат упреки: дескать, «она зашла в тупик потому, что не смогла предложить разумную перспективу современному обществу, стать для него путеводной утопией... Вопрос о будущем философии есть вопрос о ее способности снова открыть это будущее — сформулировать новые идеалы, новую утопию» [3, с. 16]. Хотя это упрек скорее не философии, а человечеству, всеми силами сопротивляющемуся принятию на практике решений существующих проблем, предложенных философами.

Современное общество, тесно связанное с массовой культурой и культурой потребления, неспособно это сделать в принципе, так как оно базируется на изначально антигуманных ценностях. Чтобы реализовать предложенные философией программы, необходимо фактически разрушить основания, на которых современное общество выстроено. В действующей ситуации это не представляется возможным, или просто проблемы не обострились еще до такой степени, когда радикальные изменения способа нашего пребывания и действия в мире возможны. Вот и философия, призывающая к действию, обращающая наше внимание на кризис, ворвавшийся во все сферы жизни современника, уподобляется совести, которую «запихивают» в дальний карман, чтобы не было слышно ее голоса, ибо он громок и требует решительных действий, на которые никто сегодня неспособен.

И то, что «многие положения современной философии звучат нереалистично, доказывает не их утопический характер, но мощь тех сил, которые препятствуют их

реализации» [10, с. 19]. Нет сомнения, что философия способна помочь организовать деятельное сопротивление, выстроить и держать «линию обороны» против навязанных, «репрессивных» материальных и интеллектуальных потребностей, ведущих лишь к дальнейшему отчуждению человека, но это осуществимо только при активном деятельном участии самого человека и общества в целом. А для этого необходимо ее полноценное масштабное присутствие в системе образования, очищенного от всякой идеологии. Вернее, философия сама должна стать идеологией. «На протяжении минувших веков философия была такой, какой ее хотели видеть философы, но по большей части она была такой, какой ей позволяли быть правители» [6, с. 16]. Желание философии не быть связанной с политикой было и является иллюзорным, поэтому «те, кто обращается к изучению философии, должны узнать факт, который может показаться ужасным: философию надо выковывать в огне политики» [там же]. Только так она обретает практически ориентированную форму и становится на страже разума, оградив его от репрессивного воздействия культурной индустрии и всевозможных форм тоталитаризма. Не случайно античные классики полагали, что править государствами должны мудрецы-философы, а И. Кант отстаивал мысль о том, что «философия способна советовать властям» [8, с. 88].

Центральная задача философии — освобождение человечества; как теория человеческого освобождения, она призвана избавить его от предрассудков [6, с. 7]. Так у философии появляется ракурс практической применимости: объединив теорию и практику, знание и надежды, она сможет стать руководством к общественному действию, которое в конечном счете разрешит вопрос о человеке и его истинном месте в мире.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Матурана У. Биология познания / У. Матурана // Язык и интеллект / сост. В.В. Петров. — Москва : Прогресс, 1996. — С. 95–143.
2. Давыдова Г.А. О мировоззренческой природе философского знания / Г.А. Давыдова // Вопросы философии. — 1988. — № 2. — С. 40–53.
3. Гусейнов А.А. Философия как утопия для культуры / А.А. Гусейнов // Вопросы философии. — 2009. — № 1. — С. 11–17.
4. Рассел Б. Что такое философия // Искусство мыслить / Б. Рассел ; пер. с англ. Е.Н. Козловой. — Москва : Идея-Пресс, 1999. — С. 83–89.
5. Комков О.А. «За экраном нет ничего»: симулякры Жана Бодрийяра / О.А. Комков // Моноклер. — URL: <https://monocler.ru/bodriyar>.
6. Данэм Б. Гигант в цепях / Б. Данэм ; пер. с англ. Ю.В. Семенова. — Москва : Наука, 1984. — 380 с.
7. Рассел Б. Бесплезное знание // Искусство мыслить / Б. Рассел ; пер. с англ. Е.Н. Козловой. — Москва : Идея-Пресс, 1999. — С. 98–110.
8. Кант И. Спор факультетов / И. Кант ; пер. с нем. Ц.Г. Арзаканяна, И.Д. Копцева, М.И. Левиной ; отв. ред. Л.А. Калинин. — Калининград : Изд-во КГУ, 2002. — 286 с.

9. Калинин Л.А. О «Споре факультетов» / Л.А. Калинин // Спор факультетов / И. Кант ; пер. с нем. Ц.Г. Арзаканяна, И.Д. Копцева, М.И. Левиной ; отв. ред. Л.А. Калинин. — Калининград : Изд-во КГУ, 2002. — С. 3–24.
10. Маркузе Г. Одномерный человек / Г. Маркузе ; пер. с нем. А.А. Юдина. — Москва : АСТ, 2003. — 336 с.
11. Фуко М. Предисловие к американскому изданию «Анти-Эдипа» / М. Фуко // Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения. — Екатеринбург : У-Фактория, 2007. — С. 3–19.
12. Гройс Б. Против юмора / Б. Гройс // Хоркхаймер М., Адорно Т. Культурная индустрия: просвещение как способ обмана масс. — Москва : Ад Маргинем Пресс, 2016. — С. 5–11.
13. Гусейнов А.А. Мораль и политика: уроки Аристотеля / А.А. Гусейнов // Ведомости. — 2004. — № 24. — С. 94–127.
14. Дебор Г.Э. Общество спектакля / Г.Э. Дебор ; пер. с фр. Б. Неман // Центр гуманитарных технологий. — URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/3512>.
15. Бродский И. Актовая речь // Набережная неисцелимых / И. Бродский. — Москва : Слово, 1992. — С. 141–147.
16. Кант И. Логика. Пособие к лекциям // Трактаты и письма / И. Кант ; пер. с нем. В.А. Жучкова. — Москва : Наука, 1980. — С. 320–446.

REFERENCES

1. Maturano H.R. *Biology of Cognition*. Urbana IL, University of Illinois, 1970. (Russ. ed.: Maturano H.R. *Biology of Cognition*. In Petrov V. V. (ed.). *Language and Intelligence*. Moscow, Progress Publ., 1996, pp. 95–143).
2. Davydova G.A. On World-View Nature of Philosophical Knowledge. *Voprosy filosofii = Issues of Philosophy*, 1988, no. 2, pp. 40–53. (In Russian).
3. Guseinov A.A. Philosophy as a Utopia for Culture. *Voprosy filosofii = Issues of Philosophy*, 2009, no. 1, pp. 11–17. (In Russian).
4. Russell B. What is Philosophy? *The Art of Thinking*. Moscow, Idea-Press Publ., 1999, pp. 83–89. (In Russian).
5. Komkov O.A. «There is Nothing Behind the Screen»: Simulacra of Jean Baudrillard. *Monokler*. Available at: <https://monokler.ru/bodriyyar>. (In Russian).
6. Dunham B. *Giant in Chains*. Boston, Little, Brown and co., 1953. 267 p. (Russ. ed.: Dunham B. *Giant in Chains*. Moscow, Nauka Publ., 1984. 380 p.).
7. Russell B. Useless Knowledge. *The Art of Thinking*. Moscow, Idea-Press Publ., 1999, pp. 98–110. (In Russian).
8. Kant I. *The Conflict of the Faculties = Der Streit der Fakultaten*. New York, Abaris Books, 1979. 221 p. (Russ. ed.: Kant I.; Kalinnikov L.A. (ed.). *The Conflict of the Faculties*. Kaliningrad State University Publ., 2002. 286 p.).
9. Kalinnikov L.A. About «The Conflict of the Faculties». In Kant I.; Kalinnikov L.A. (ed.). *The Conflict of the Faculties*. Kaliningrad State University Publ., 2002, pp. 3–24. (In Russian).
10. Marcuse H. *One-Dimensional Man*. London, 1991. 275 p. (Russ. ed.: Marcuse H. *One-Dimensional Man*. Moscow, AST Publ., 2003. 336 p.).
11. Preface by Michel Foucault. In Deleuze G., Guattar F. *Anti-Edipus. Capitalism and Schizophrenia*. New York, Viking Press, 1977. (Russ. ed.: Foucault M. Preface to the American edition «Anti-Edipus». In Deleuze G., Guattar F. *Anti-Edipus. Capitalism and Schizophrenia*. Ekaterinburg, U-Faktoriya Publ., 2007, pp. 3–19).
12. Grois B. Against Humor. In Horkheimer M., Adorno Th. *The Culture Industry: Enlightenment as Mass Deception*. Moscow, Ad Marginem Press Publ., 2016, pp. 5–11. (In Russian).
13. Guseinov A.A. Morals and Politics: Lessons from Aristotle. *Vedomosti*, 2004, no. 24, pp. 94–127. (In Russian).
14. Debord G.-E. *La Société du Spectacle*. Paris, Buchet-Chastel, 1967. (Russ. ed.: Debord G.-E. *Society of the Spectacle*. Available at: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/3512>).
15. Brodskii I. Commencement Speech. *Foundations of the Incurable*. Moscow, Slovo Publ., 1992, pp. 141–147. (In Russian).
16. Kant I. Logic. Textbook for Lectures. *Tractates and Letters*. Moscow, Nauka Publ., 1980, pp. 320–446. (In Russian).

Информация об авторе

Богодельникова Любовь Александровна — кандидат философских наук, доцент Байкальского института БРИКС, Иркутский национальный исследовательский технический университет, доцент кафедры мировой экономики и экономической безопасности, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация, e-mail: bogodelnikova@gmail.com.

Для цитирования

Богодельникова Л.А. О пользе и вреде философии / Л.А. Богодельникова. — DOI 10.17150/2500-2759.2022.32(1).214-224 // Известия Байкальского государственного университета. — 2022. — Т. 32, № 1. — С. 214–224.

Author

Lyubov A. Bogodelnikova — Ph.D. in Philosophy, Associate Professor of the Institute of BRICS Countries, Irkutsk National Research Technical University, Associate Professor of the Department of International Economics and Economic Security, Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation, e-mail: bogodelnikova@gmail.com.

For Citation

Bogodelnikova L.A. The Benefit and Harm of Philosophy. *Izvestiya Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Baikal State University*, 2022, vol. 32, no. 1, pp. 214–224. (In Russian). DOI: 10.17150/2500-2759.2022.32(1).214-224.